

Граф Мелтор стоял на стене замка Сенужда и смотрел, как умирает мечта. Великая мечта королевства Свадия стать наследником Кальдарии, объединив под своим знаменем все обломки древней империи.

Рана, полученная в четвёртой битве у Дирима, не давала графу держать щит и он был бы в бою только обузой — и поэтому не мог даже умереть за свою страну. А на холмах возле замка собранная Его Величеством Харлаусом Первым армия демонстрировала бесплодное рыцарство, стараясь выдернуть из плотного строя атакующих латников Султаната хоть кого-то из бойцов — но цвет свадийского дворянства, воины, обученные править тяжёлыми норовистыми дестрием, как умелая швея правит иглой, не успевали приблизиться к мамлюкам и наёмным латникам... и к степным уланам, пошедшим на службу тем, кто сокрушил стальной рукой Ханство. Дождь стрел с вершины холма, вокруг которого выстроились в исходной для атаки позиции латники Султаната, находил мельчайшие щели в доспехах, убивал коней и всадников, превращая прекрасную атаку тяжёлой конницы в месиво падающих в агонии тел. А свадийские арбалетчики, краса и гордость запада Кальрадии, просто не могли стрелять с той же скоростью — и следующие залпы лучников доставались уже им. До сшибки ещё оставалось несколько секунд, но опытный воин понимал, чем всё закончится...

Грохот столкнувшихся лавин тяжёлой конницы, казалось, сотряс стены старого замка. Но при всём желании граф не мог сказать, что его несчастные, политые дождём пустынных стрел братья равны по силе пустынным. Они шли в бой, как на дуэль — а мамлюки и их союзники атаквали в плотном строю, имея целью не срубить вражеского воина, а сдержать атаку, спешить, отдать на поживу идущим следом мечникам в тяжёлых кольчугах.

Арбалетчики уже не могли стрелять — слишком велик был риск задеть своих же. Поэтому они пытались выиграть дуэль стрелков — и проигрывали закалённым в пламени пустынного солнца смуглым воинам в кольчугах. На каждый болт сарраниды отвечали десятком стрел — и второго выстрела арбалетчик мог и не успеть сделать, а пытающаяся прикрыть стрелков пехота уже устилала своими телами подножие холма, давшего приют армии Его Величества — удар сарранидской латной конницы был слишком силен, чтобы засыпанная дождём стрел конница Свадии могла его выдержать.

Это было... необычно. Граф мимолётно удивился тому, как он может в такой момент размышлять о тактике... Но альтернативой были только рыдания.

Все три составляющие армии пустынников, пришедшей под стены Сенужды, работали как единое целое. И даже мамлюки, обычно такие же тщеславные, как любые рыцари, действовали... дисциплинированно. Не гонялись за давшими слабину, не отвлекались на штандарты прославленных воинов в погоне за честью лично победить вражеского героя — нет, они исполняли замысел командира. А летевшая в центре этой противоестественно организованной волны стали и плоти фигура — слишком изящная для рыцаря и слишком залитая кровью для придворной дамы — давала ответ на все вопросы Мелтора.

Пустынная Ведьма, победительница вагиров и хергитов. Приплывшая из-за Великого моря с мечом и поношенной кожаной бронёй женщина, за полтора года ставшая одной из знатнейших и опаснейших личностей в новом, выкованном в яростном вихре сражений Султанате. Леди Лита, кровавый ангел Тульги, лично возглавившая первый штурм стен старого города — и в поношение всех традиций не только выжившая, но и сохранившая силы для сражения на улицах.

Она организовала обучение и всё прочее в своей армии так, как принято на её далёкой родине — и граф Мелтор воочию убедился, что тяжёлая кавалерия, как предпочитала называть свои

противоестественно дисциплинированные силы Лита, способна разогнать и уничтожить любое количество тяжёлой конницы — даже если каждый мамлюк в выучке несколько и уступал свадийцам, единый, не отвлекающийся на поиск почестей строй, прикрытый пехотой и лучниками, стирал с лица Кальрадии менее организованные отряды. И в этой битве три сотни рыцарей древней Свадии уступили восьми десяткам пустынных воинов, не так уж давно научившихся вообще одевать латы...

Штандарт Его Величества Харлауса рухнул. Граф надеялся, что это не значит смерти короля — но понимал, что его сюзерен оказался именно там, куда шли латники центра сарранидского строя. Там, где летела на своём Вороне обманчиво-хрупкая, нечеловечески выносливая женщина с выбивающимися из-под шлема светлыми волосами, в которых медленно запекалась чья-то кровь...

Мелтор уже встречался с Литой — тогда ещё не первой женщиной-эмиром, ещё не Бичом Степи, не Ведьмой Пустыни, а всего лишь командиром небольшого наёмного отряда. Обернувшийся сражением с «лесными братьями» выезд на охоту — с малым отрядом, всего в три десятка друзей и охранников... И пришедшие на помощь наёмники, безумный сплав сарранидов и пошедших в «псы войны» крестьян обоего пола. И их предводительница — ещё в старой кольчуге и побитом бацинете, прорубившая путь через засаду разбойников как раз вовремя, чтобы спасти свадийцев от удара в спину.

Она была бы красива, если бы была женщиной, а не псом войны. Непокорные светлые волосы могли бы вызвать умиление — если бы в них не виднелись капли крови какого-то бандита, оказавшегося в самом неподходящем в своей бандитской жизни месте. Синие глаза могли бы вдохновлять поэтов на оды — но они сверкали из-под стали шлема не на турнире, что было вполне прилично даже для свадийской леди, а в просвечиваемом полуденным солнцем лесу. А за спиной этой совсем не кальрадийской девушки выстраивались лучники и мечники, спешившиеся, чтобы не ломать лошадям ноги в густом лиственном лесу юга Свадии.

— Моё имя Лита. Командир наёмного отряда «Злые клоуны». К вашим услугам, сэр Мелтор, — и злая улыбка на хранящем безумие битвы лице пресекла все попытки аристократа соблюсти подобающие в общении с дамой приличия.

...Граф сгорбился. Его рыжие волосы, казалось, потускнели, а неловко висящая на перевязи левая рука казалась более естественной, чем здоровая правая.

Осада продолжится. Можно держаться ещё несколько недель... но зачем, если король уже лёг под копыта Пустынной Ведьмы и её сородников? Зачем, если то, что осталось от Свадии, погрозится в склоках за наследование и регентство... а потом под стены Суно и Правена — двух ещё принадлежащих западному королевству городов — придёт синеглазая смерть со светлыми волосами и стальной лавиной, а возвестит о её приходе дождь — не ласковый дождь, дающий жизнь посевам, а безжалостный стальной дождь сарранидских стрел? Зачем, если под эти стены будут подходить отряды графов — один за другим, надеясь снискать славу — и найдут здесь бесславный конец?

— Подай мне рупор, Робаут, — граф повернулся к застывшему в ужасе от развернувшегося перед ним опустошения оруженосцу, сыну владетеля Укстхала Мирчауда... пленника Пустынной Ведьмы после короткой и жестокой сшибки у деревни Номар. — Мы можем только одно. Не губить своих воинов понапрасну. Ведьма даже на стены не полезет — её лучники очистят гребень и пустынники войдут со всеми удобствами. Уж лучше в ворота... тогда хоть

люди от Свадии останутся.

<http://tl.rulate.ru/book/43910/1017629>